
СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8
I. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ: ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ФРАНЦИИ И РОССИИ	9
Франция: Белый и триколор.....	10
Белые и синие	13
Клерикальный черный.....	15
Леворадикальный черный	17
Леворадикальный красный.....	18
«Красный призрак»	25
Красное и белое (XIX век).....	26
Белые и красные якобинцы	27
Белый и красный террор.....	29
Зеленый (XIX в.).....	30
Желтый на рубеже XIX–XX вв.	31
Красный в России: Начало	33
Черный как черносотенный	37
Белое знамя и «белая гвардия» черных.....	39
Другая «белая гвардия»	41
Дискредитация красного	42
Красное и черное: близнецы-братья	44
Белое между красным и черным.....	45
Красный Февраль	46
Красное и черное после Октября	48
«Белый генерал» и «генерал на белом коне».....	52
Московская «белая гвардия».....	54
Зачатки легенды «белой гвардии».....	57

Белогвардейцы внешние и внутренние.....	60
Красный и «русский триколор».....	63
Зеленый в 1-й четверти XX в.	67
Желтый и розовый в 1-й четверти XX в.	69
Отторжение белого «белыми»	72
Белый Северо-Запад.....	76
«Белая идея» и «Белая мечта».....	80
Эмигрантские критики белого	83
Вместо эпилога: рождение термина «красно-коричневые».....	86
Список источников	87

II. ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В ЛИТЕРАТУРЕ	98
Деспотизм, ограниченный царубийством.....	98
«Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!».....	105
«Лебединый стан» и легенда «Белой гвардии».....	112
«Оттепель»: повесть-сигнал.....	125
«Сказка о Тройке» как зеркало партийного языка	131
«Сто миллионов голов», или Цена революции	143
Продажная девка империализма	153

III. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ

И ЛОЗУНГОВ	157
Абсолютная власть развращает абсолютно.....	157
Великое молчащее большинство	160
Власть лежит на улице	166
Грабь награбленное!	170
Дванадесать языков, четырнадцать держав	173
Дети, кухня, церковь.....	178
«Дубинка Петра Великого» и «дубина власти».....	182
Железный занавес: история политической метафоры.....	189
За Родину, за Сталина!	218
Задушить революцию костлявой рукой голода	223
Империя и Свобода.....	228
Историю пишут победители	232
Каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает	236

Каждый коммунист должен быть чекистом	242
Кости померанского гренадера	246
Маленькая победоносная война.....	251
Наш сукин сын	255
Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя... ..	260
Король царствует, но не управляет	263
Отправить на свалку истории	267
Перепрыгнуть пропасть в два прыжка	272
Политика, опрокинутая в прошлое.....	276
Последнее прибежище негодяя.....	280
«Потемкинские деревни» и «фасадная империя»	286
Права она или нет, это наша страна	291
Пятая колонна.....	296
Русские идут!.....	300
У России только два союзника – армия и флот.....	304

CONTENTS

Author's note.....	8
I. RED AND WHITE: THE COLOR SYMBOLISM OF THE POLITICAL LANGUAGE OF FRANCE AND RUSSIA ...	9
II. REFLECTION OF POLITICAL LANGUAGE IN LITERATURE.....	98
A despotism tempered by regicide.....	98
«May Russia glorify, but our names will perish!».....	105
«Swans' Encampment» of Tsvetaeva and the legend of the White Guard.....	112
«Thaw»: story-signal.....	125
«Tale of the Troika» as a mirror of the party language.....	131
«One Hundred Million Heads,» or the Price of a Revolution.....	143
The whore of imperialism.....	153
III. HISTORY OF POLITICAL TERMS AND SLOGANS	157
Absolute power corrupts absolutely.....	157
The Great Silent Majority	160
The power is lying in the street.....	166
Rob what has been robbed!.....	170
Twelve peoples, fourteen powers.....	173
Kinder, Küche, Kirche	178
«The cudgel of Peter the Great» and «bludgeon of power».....	182
The Iron Curtain: The history of political metaphors	189
For the Motherland! For Stalin!	218

Strangle the revolution with the bony hand of hunger	223
Imperium et Libertas	228
History is written by the winners	232
Every nation has the government it deserves	236
Every communist must be a checkist	242
The bones of the Pomeranian grenadier	246
A small victorious war	251
Our son of a bitch	255
Ask not what your country can do for you	260
The king reigns, but does not rule	263
Cast out on the ash heap of history	267
To leap a chasm in two jumps	272
Politics overturned in the past	276
The last refuge of a scoundrel	280
«Potemkin villages» and «facade empire»	286
Our country, right or wrong	291
Fifth column	296
Russians are coming!	300
Russia has only two allies: the Army and the Navy	304

ОТ АВТОРА

Политический язык рассматривается в этой книге как явление истории и культуры.

Книгу открывает работа «Красное и белое: Цветовая символика политического языка Франции и России». В ней развиваются положения, высказанные ранее в статье «Красные и белые: символика цвета в политическом языке»¹.

Вторая часть книги посвящена отражению политического языка в русской литературе. Для этой цели выбрано семь примеров, от Пушкина до братьев Стругацких.

В третьей части исследуется происхождение ряда ключевых терминов, оборотов и лозунгов политического языка – либо возникших в России, либо прочно укоренившихся в ней.

Все эти сюжеты, особенно первый из них, совершенно недостаточно разработаны в научной литературе – не в последнюю очередь потому, что они требуют интердисциплинарного подхода, находясь на стыке политической истории, истории идей, истории символов, языка и литературы. В какой мере удалось продвинуться на этом пути автору, пусть судит читатель.

*Константин Душенко
Август 2018 г.*

¹ См.: Символическая политика: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3. – С. 255–297.

И. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ: ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ФРАНЦИИ И РОССИИ

Мир неделим на желтых, черных, светлых,
А только красных – нас, и белых – их.
К. Симонов. «Друзья и враги»

Когда и как появились «интернациональные» цвета политического языка? Как выглядела «цветовая система» русского политического языка в годы трех революций и Гражданской войны? Как возникла дихотомия «*красное – белое*» и какой круг значений связывался с понятием *белые*?

Все эти сюжеты изучены совершенно недостаточно. Вопросы, связанные с «цветовой системой» русского политического языка, до недавнего времени даже не осознавались как исследовательская проблема. За вычетом газетной статьи А. Дерябина, можно назвать разве что статью (или, скорее, эссе) Д. Фельдмана [Дерябин, 1992; Фельдман]¹.

Мы рассмотрим эти вопросы, опираясь прежде всего на русскую и отчасти французскую периодику и публицистику. В частности, были просмотрены, целиком или выборочно, несколько десятков комплектов русских газет за 1905–1907, 1917–1920 годов, включая печать основных центров «белого» движения, а также наиболее важные издания русского зарубежья 1919–1922 годов.

¹ Упомянем также публикации автора данной статьи [Душенко, 1996; Душенко, 1997].

* * *

Роль цветовой символики в политическом языке менялась в зависимости от места и времени. Наиболее интенсивно она использовалась во Франции конца XVIII – начала XX века, а также в России первой трети XX века. Вербальная политическая символика тесно переплетается с визуальной, хотя отнюдь не всегда совпадает с ней.

Европейская цветовая символика с раннего Средневековья формировалась вокруг трех базовых цветов: *белого, красного и черного*, иными словами, вокруг белого и двух его противоположностей [Пастуро, 2012, с. 157]. То же можно сказать о «цветовой системе» русского политического языка 1905–1920-х годов. Она складывалась на фоне западных, прежде всего французских, политических цветов **и с постоянной оглядкой на эти цвета**. Поэтому начнем с истории этих цветов, тем более что о ней бытует немало ошибочных представлений.

Франция: белый и триколор

Во Франции королевское знамя начиная с XVII в. было белым¹. Оно поднималось в ставке короля, когда тот выступал в роли главнокомандующего. Белое знамя использовалось и вообще как символ командования – например, во французских войсках, участвовавших в Войне за независимость США. Белый флаг вывешивался на флагманских кораблях, а затем (судя по документам первых лет Великой французской революции) также на зданиях мэрий (ратушах). Фактически он выступал в роли государственного.

С 1790 г. национальными цветами революционной Франции были признаны синий, белый и красный, при сохранении белого

¹ Согласно одной из версий, белый цвет знамени восходит к белому шарфу, который Генрих IV носил еще до своего перехода в католичество, в качестве вождя гугенотов. В религиозных войнах 1562–1598 гг. белый был цветом гугенотов: считалось, что он символизирует чистоту кальвинистской веры. Однако у цвета знамени могли быть и другие источники; в частности, белый был цветом креста св. Дени, а этот крест столетиями служил отличительным знаком французской армии.

знамени как символа королевской (государственной) власти. Считается, что творцом французского триколора был генерал де Лафайет, начальник Национальной гвардии: в июле 1789 г. к красному и синему цветам кокард национальных гвардейцев¹ он добавил белый в знак примирения парижан с королем. Однако, согласно одному из новейших исследователей, трехцветная кокарда вместо двуцветной появилась уже в канун штурма Бастилии, а ее третий, белый цвет трактовался скорее как цвет Французского королевства, т.е. нации и государства [Coppens, 1989]. Поэтому трехцветную кокарду, символ очевидно революционный, могли называть «королевской и буржуазной» («la cocarde royale et bourgeoise»)².

М. Пастуро указывает еще один возможный источник французского триколора. Синий, белый и красный использовались во Франции в качестве символа свободы уже в 1770-е годы, со времени Войны за независимость США. Эти цвета ассоциировались с цветами американского флага (которые, в свою очередь, восходят к цветам британского флага) [Pastoureau, 2007, p. 32–37].

10 июня 1789 г. Национальное собрание объявило трехцветную кокарду «национальной эмблемой». Отныне это «три цвета нации» [Пастуро, 2017, с. 85].

Вскоре триколор оказался в оппозиции к *белому*, хотя сначала это не была оппозиция «республика – монархия», а скорее оппозиция нового (конституционного) порядка и Старого режима. 21 октября 1790 г. в Национальном собрании обсуждался проект замены трехцветного знамени во флоте белым. Мирабо решительно выступил против, назвав белое знамя «знаменем контрреволюции» [Олар, с. 97]. Между тем он был сторонником конституционной монархии, как, впрочем, почти все тогдашние революционеры.

15 февраля 1794 г. декретом Конвента окончательно определяется вид государственного флага: три вертикальные полосы, первая от древка – синяя (вместо красной) [Пастуро, 2017, с. 86].

¹ Цвета этих кокард обычно считаются цветами Парижа, хотя история их появления не столь однозначна.

² Так она названа в «La Gazette de Leyde» от 14 июля 1789 г. в отчете о событиях 17 июля, когда мэром Парижа Бальи вручил новую кокарду королю [Coppens, 1989].

После установления республики (1793) белый цвет становится символом монархической реставрации. В Вандее «католическая и королевская армия» идет в бой с белыми кокардами и под белыми знаменами, нередко украшенными золотыми лилиями или культовым изображением Святейшего Сердца Иисуса Христа. Те же символы используются в эмигрантских ополчениях; офицеры к тому же носят и белые нарукавные повязки [Пастуро, 2017, с. 86, 89].

При вступлении союзников в Париж в 1814 г. их встретили 5–6 тысяч белых кокард роялистов; в то же время сами союзники перед вступлением в город надели белые нарукавные повязки, чтобы распознать своих среди пестрых национальных мундиров. После этого повязки надели и многие парижане, «одни – думая тем обеспечить себя против насилий со стороны казаков, другие – как эмблему мира» [История XIX века, т. 2, с. 346]. В результате возникло обоюдное недоразумение: парижане решили, что Европа за Бурбонов, союзники – что Париж за Бурбонов.

После Реставрации на королевском флаге появляются золотые лилии или королевский герб. Все кокарды и флаги, кроме белых, были запрещены [Пастуро, 2017, с. 86, 90].

Белое знамя было знаменем Франции с 1814 г. до Июльской революции 1830 г., когда на смену ему опять пришел триколор, теперь уже навсегда.

В мае 1871 г. вождь легитимистов (т.е. сторонников династии Бурбонов) граф де Шамбор заявил, что взойдет на трон, если будет принято белое национальное знамя, которое воплощает в себе «уважение к религии, защиту всего справедливого, всего благодетельного, всего законного» [Garnier, p. 447]. В 1873 г. монархическое большинство Палаты депутатов предложило графу корону Франции. Де Шамбор был готов примириться с принципом конституционной монархии, но не с трехцветным знаменем, – и Франция большинством в один голос стала республикой.

В 1883 г. граф Шамбор умер. К этому времени глава орлеанистов Филипп Орлеанский провозгласил себя наследником традиционной монархии, отказавшись от наследия своего деда – «короля-буржуа» Луи-Филиппа и от принятого им трехцветного знамени. Часть легитимистов, однако, признала главой дома Бурбонов испанского короля Филиппа V, потомка Людовика XIV. Так появились «белые испанского толка» и «белые орлеанистского

толка», букв. «белые Испании» (les blancs d'Espagne) и «белые [замка] д'Э» (les blancs d'Eu), по названию резиденции Филиппа Орлеанского – замка в городе Э (Нормандия).

Белые и синие

Синий цвет триколора, замечает М. Пастуро, важнее остальных, потому что он ближе к древку и в безветрие – единственный видимый [Пастуро, 2017, с. 82].

Робеспьер ввел в моду синий фрак, и этот фрак сохранялся в памяти еще в 1820-е годы [Реизов, с. 174]. В «Жизни Россини» (1824) Стендаль писал: «В 1795 г. <...> г-н Тони, который впоследствии сделался знаменитым издателем, служил чиновником венецианского правительства в Вероне... Неожиданно он был смещен, и ему грозила тюрьма. Он поспешил в Венецию; после трех месяцев, проведенных в различных хлопотах, ему удалось увидеться наедине с одним из членов Совета десяти, который сказал ему: “Какого дьявола вы заказали себе синий фрак? Мы приняли вас за якобинца”» [цит. по: Реизов, с. 174].

В литературе о Вандейском восстании укоренилось противопоставление «*белые – синие*» в значении «роялисты – республиканцы». В известном смысле это прообраз дихотомии «*белые – красные*» в нашей Гражданской войне. Однако оппозиция «*белые – синие*» не существовала в политическом языке вплоть до эпохи Июльской монархии. Вопреки распространенным – даже во Франции – представлениям современники не называли вандейских повстанцев *белыми*. Субстантивированное прилагательное *белые* в значении «роялисты», по-видимому, вообще не встречалось в эпоху Великой революции (и даже в текстах Наполеона I, включая продиктованные на о-ве Св. Елены). В старой работе К.Н. Державина, специально посвященной языку Великой французской революции, утверждалось, что «термин “белый” как синоним контрреволюционера и, в частности, роялиста, вошел в обиход в связи с Вандейским восстанием» [Державин, с. 52–53]. Однако ни одного примера такого словоупотребления здесь не приведено.

Вандейские повстанцы действительно нередко именовали своих противников-республиканцев *синими*, по цвету их мундиров – синих с красной выпушкой [напр.: Beauchamp, p. 176, 186]. В т.н. «Марсельезе белых»¹, написанной не позднее мая 1793 г., пелось: «Кровь синих / Обагрит ваши нивы!» [La Boutetière, p. 26]. Так было перефразировано двустигшие «Марсельезы» «Пусть нечистая кровь / Оросит наши нивы!»

Наименование *синие* популяризировал Бальзак в романе «Шуаны, или Бретань в 1799 году» (1829), однако *белых* в «Шуанах» нет. Зато роман Эжени Фoa о Вандейском восстании (1832) уже назывался «Белые и синие» [Foa, 1832]. Представления позднейшей читающей публики о Вандейском восстании почерпнуты прежде всего из «исторической хроники» В. Гюго «Девяносто третий год» (1874), где повстанцы именуются *белыми* даже в речи действующих лиц. Это не могло не повлиять на семантический ореол понятия *белые* в европейской, и в частности русской, культурной традиции.

С середины XIX в. *синими* нередко называли буржуазных республиканцев, в отличие от *красных* (социалистов), *белых* (роялистов) и *черных* (клерикалов), например: «Единодушно белые и синие [в Национальном собрании, 10 мая 1848 г.] закричали: “Нет, нет! Не нужно социализма”» [Блан. История революции..., с. 484].

Среди вариантов названия незаконченного романа Стендаля «Люсьен Левен», главный герой которого – республиканец, нередко встречается название «Синее и белое»; затем появился вариант «Красное и белое». Первоначальный республиканский цвет – синий – был заменен красным отчасти, вероятно, потому, что Люсьен Левен был уволен из Политехнической школы после демонстрации на похоронах Ламарка (1832), когда красное знамя впервые появилось на улицах Парижа [Реизов, с. 182].

С 1830-х годов *синий* постепенно утрачивал свой политический радикализм. После революции 1848 г. он стал цветом умеренных республиканцев, затем центристов и наконец при Третьей республике – цветом правых республиканцев. «Теперь синий был гораздо ближе к белому, чем к красному» [Пастуро, 2017, с. 91].

¹ Название «La Marseillaise des Blancs» дано задним числом; в тексте песни не только не упоминаются *белые*, но и вообще нет символики белого цвета.

В период дебатов вокруг дела Дрейфуса некоторые «антидрейфусары», т.е. националисты-антисемиты, носили в петлице синюю гвоздику как символ патриотизма [Tournier, 2000, p. 110].

В 1829 г. французские солдаты вместо синих брюк стали носить красные. Эти цвета сохранились до самого начала Первой мировой войны. И только весной 1915 г. им выдали синие брюки нового оттенка, получившего название «синевы горизонта». По итогам выборов 1919 г. в Палате депутатов оказалось много вчерашних солдат, которые еще год назад носили синюю форму. Журналисты окрестили палату нового созыва «палатой синевы горизонта». В этой палате правые и центристы объединились в патриотический блок, занимавший непримиримую позицию по отношению к русским большевикам. Благодаря им *синий* окончательно превратился в цвет правых республиканцев, противников *красных* [Пастуро, 2017, с. 92–93].

В отличие от других цветов, появившихся во французском политическом языке в XVIII–XIX вв. (белый, черный, красный, желтый), «синий республиканский» не стал интернациональным.

Универсальным политическим символом – однако не вербальным, а визуальным – синий становится в XX веке. Ныне он воспринимается как спокойный, миролюбивый, ненавязчивый, почти нейтральный и выражает идеи умеренности и диалога [Пастуро, 2017, с. 103]. В XX веке все крупные международные организации выбрали себе эмблемы голубого или синего цвета: Лига Наций, затем – ООН и ЮНЕСКО, а также Совет Европы и Европейский союз.

Клерикальный черный

После переезда Национального собрания в Париж *черными* (les Noirs) стали называть крайне правых монархистов из-за обилия на правом крыле представителей духовенства в черной одежде. «Вся остальная часть собрания, – писал Ж.П. Марат, – составлена из смертельных врагов революции, известных под именем *черных*» («Друг народа», 20 июня 1790) [Марат, т. 2, с. 150]. «Но-

вый заговор со стороны черных» – заглавие статьи в «Друге народа» от 18 июля 1790 г. [Марат, т. 2, с. 168].

Итак, *черными* здесь именуются те, кого позднее – задним числом – назвали *белыми*.

С лета 1791 г. французская печать писала о «черной армии» (*l'armée noire*), формируемой эмигрантами на западных границах революционной Франции. В корреспонденции из Брюсселя, опубликованной в парижском «Мониторе» 29 июля 1791 г., говорилось, что «недовольные во Франции состоят в переписке со здешними эмигрантами», которые формируют «черную армию». «Здесь нередко слышны разговоры, соответствующие образу мысли черных (*la façon de penser des noirs*) во Франции», т.е. депутатов Национального собрания, «преданных трону и алтарю» [*Réimpression de l'Ancien Moniteur*, p. 241].

Наконец, в 1797 г. появилось выражение «черные якобинцы» (см. ниже).

Широко известно заглавие биографического романа А.К. Виноградова о Стендале (1931) «Три цвета времени». В гл. 36 речь идет об Италии 1821 года: «Цвет времени меняется; преобладает черная краска. Неужели и здесь, как и во Франции, бурбонский цвет, сменившийся ярким красным праздником революции, перейдет в черный цвет, и церковный мрак – в реакционную злобу коронованных животных?» [Виноградов, т. 1, с. 295].

Наименование *черные* возродилось в 60-е годы XIX в. Обозреватель либерального парижского журнала писал: «Сегодня во Франции только две партии – синих и черных, наследников 89-го года и адептов *Силлабуса*¹» [Техьер, p. 160].

Отныне понятие *черные* отождествляется с католической реакцией, причем не только во Франции. С 1873 г. «Черный Интернационал» – обычное наименование иезуитов в ходе т.н. «борьбы за культуру» (*Kulturkampf*) в Германии. Позднее это выражение стало применяться к католической церкви вообще.

¹ «Syllabus, или Перечень, заключающий в себе главнейшие заблуждения нашего времени», – приложение к энциклике Пия IX от 8 декабря 1864 г. Здесь объявлялось заблуждением мнение, будто «Римский Первосвященник может и должен примириться и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией».

Наименование клерикалов *черными* тем легче вошло в интернациональный политический язык (по крайней мере, в континентальной Европе), что черный цвет преобладал в одеяниях рядового духовенства и в католичестве, и в протестантизме, и в православии.

Леворадикальный черный

Согласно Луи Блану («История десяти лет», 1841), мысль о черном флаге как революционном зародилась в дни Июльской революции. 29 июля 1830 г. один из повстанцев, увидев на здании мэрии трехцветный флаг, заявил: «Нам нужен черный флаг, и Франция не откажется от этого цвета, пока не отвоюет свою свободу» [Boudet, p. 787].

В данном случае черный цвет трактовался как знак решимости сражаться до смерти. В этом качестве он нередко встречается в новой и новейшей истории. Так, во время Гражданской войны в США черный флаг поднимали иррегулярные части «южан» в знак того, что они не будут ни давать, ни просить пощады; черный флаг противопоставлялся белому флагу капитуляции. В России при Временном правительстве черный был цветом ударных частей русской армии. Отсюда же черный цвет чернорубашечников в фашистской Италии и т.д.

На улицах черные знамена (с надписью: «Работа или смерть!») впервые появились во время восстания безработных землекопов в Реймсе 15 января 1831 г. [Dommanget, p. 45]. Черный цвет этих знамен обычно толкуется как цвет отчаяния и нужды. Два месяца спустя (апрель 1831) под черными знаменами восстали лионские ткачи. Самая известная надпись на этих знаменах: «Жить работая или умереть сражаясь», – как раз означала решимость сражаться до смерти.

С 1860-х годов черное знамя объявляют своим международные анархистские организации. По одной из версий, этому способствовало то, что черный, будучи «отрицанием всех цветов», мог истолковываться также как символ отрицания всего существующего порядка [напр.: Dommanget, p. 48]. Однако примеры такого истолкования черного знамени нам неизвестны.

Черный цвет оставался лишь **визуальным** символом анархистов. В плане языковой символики анархисты считались – и сами ощущали себя – *красными*, как сторонники левых идей. Понятие *черные* было зарезервировано за клерикалами.

Парижские коммунары, среди которых анархисты были крайне влиятельны, использовали черное знамя наряду с красным. Ныне многие анархо-синдикалистские организации используют черно-красное знамя.

Леворадикальный красный

Различные предметы красного цвета, включая флаги, издавна использовались в качестве сигнала тревоги¹. Обычно считается, что именно к такого рода сигналам восходит революционное красное знамя.

21 октября 1789 г. в Париже был обнародован закон об осадном (или военном) положении (*loi martiale*). Оно вводилось в случае «угрозы общественному спокойствию», и его сигналом был красный флаг, выставляемый в главном окне городской ратуши и на улицах. При подавлении беспорядков использовалась Национальная гвардия, причем перед гвардейцами несли красный флаг в качестве предостерегающего знака. После отмены осадного положения красный флаг в окне ратуши заменялся обычным белым. Таким образом, оба флага выступают в качестве символов **одной и той же власти**: мирной или применяющей силу.

Так, при подавлении волнений католиков в г. Ним (13–15 июня 1790 г.) белый флаг на здании ратуши был временно заменен красным [*Nouvelles de Nîmes*, 1790].

17 июля 1791 г. на Марсовом поле собрались противники монархии с требованием отречения короля, бежавшего из Парижа.

¹ Как вспоминал один из руководителей восстания в Свеаборге (июль 1906) С.А. Цион, восставшие артиллеристы «вывесили свой самодельный красный флаг без всяких надписей». На вопрос арестованных ими офицеров: «За что вы, ребята, собственно, деретесь?» – они ответили: «За свободу народа!» Тогда офицеры спросили: «Что же на вашем флаге этого не видеть? – красный флаг без надписей и над пороховым погребом бывает» [Цион, 1907, с. 64].

Мэр Парижа Балли приказал вывесить у главного окна ратуши красный флаг как сигнал военного положения. Красный флаг несли также в колонне национальных гвардейцев, «но такой маленький, что впоследствии его называли *карманным*», и несли его не во главе колонны, как того требовал закон, а в ее рядах, так что собравшиеся на Марсовом поле не могли его заметить [Блан. История Французской революции, т. 5, с. 384–385]. При разгоне собравшихся погибло несколько десятков республиканцев. 6 августа было объявлено об отмене военного положения и замене красного флага на ратуше белым [Table alphabétique..., p. 8].

В марте 1792 г. в Париже вышла брошюра под заглавием «Красный флаг мамыши Дюшен, против всех фракций и интриганов» [Vuée, 1792]. Ее автор, аббат Адриан Квентин Буэ (1748–1826), был противником республики; вскоре он эмигрировал в Лондон и вернулся после Реставрации.

10 августа 1792 г. республиканцы штурмовали дворец Тюильри; в тот же день король был низложен. По широко распространенному мнению, «красное знамя развевалось там и сям над революционными колоннами» [Жорес, с. 592], т.е. стало – впервые – символом революции.

Согласно Габрэлю Перро, красное революционное знамя зарождается между 1792 и 1794 гг. [Petit, p. 13]. В сравнительно недавнем справочнике Ж. Будэ «Исторические слова» сказано, что красное знамя стало эмблемой революционеров с июля-августа 1792 г. [Boudet, p. 325]. В статье Д. Фельдмана «Красные белые» читаем: «Под красными флагами собирались вооруженные санкюлоты. Именно под красным флагом в августе 1792 г. отряды санкюлотов, организованные тогдашним городским самоуправлением, шли на штурм Тюильри. Вот тогда красный флаг стал действительно знаменем. Красное знамя и белое знамя стали символами противоборствующих сторон. Республиканцев и монархистов» [Фельдман, с. 9].

Однако, как показал Морис Домманже в своей монографии об истории красного знамени [Dommanget, 1967], представление о «красном знамени якобинцев» не более чем легенда.

Верно лишь то, что в канун восстания в Клубе кордельеров было предложено приготовить красные флаги с надписью: «Военное положение суверенного народа против исполнительной власти», – как ответ на флаг, ставший сигналом к расстрелу на Мар-

совом поле. Эту идею приписывал себе радикал Пьер Шометт, а также жирондист Жан Луи Карра. Их заметки, из которых мы знаем об этих флагах, попали в печать лишь десятилетия спустя. Такие флаги были изготовлены, но не использовались – надо думать, из-за позиции руководства восстания. Штурм Тюильри совершался под трехцветными флагами [Dommanget, p. 30–32].

Тем не менее в конце декабря 1792 г. отряду, набранному в Брюсселе из местных санкюлотов, было присвоено красное военное знамя. На двух его сторонах были помещены строки «Марсельезы»: «Трепещите, тираны, и вы, рабы!» (в «Марсельезе»: «...и вы, предатели!»); «Пусть нечистая кровь оросит наши нивы!» Знамя было увенчано фригийским колпаком с трехцветной кокардой [Henne, p. 424, 429]. Красный цвет этого знамени, судя по надписям, мог означать цвет вражеской крови.

Этот случай был единичным; красное знамя не стало знаменем санкюлотов и якобинцев. Совсем напротив: 28 апреля 1793 г. на свежей могиле К. Ф. Лазовского, кумира санкюлотов и одного из руководителей штурма Тюильри, были сожжены два флага, белый и красный, как равно ненавистные символы. На красном было написано: «Он [Лазовский] отомстил за патриотов [Марсова поля], сорвав этот флаг вместе со своими товарищами» [Buche, t. 27, p. 189]. На празднике в честь Конституции в Блуа 30 июня 1793 г. красный флаг был назван «позорным символом роялизма», «эмблемой жестокости и резни» [Dommanget, p. 34]. А 12 ноября 1793 г. повезли на казнь мэра Парижа Бальи; следом в грязи волокли красный флаг как напоминание о Марсовом поле [Реизов, с. 178].

Утверждение, будто красные флаги использовались бабувистами после термидорианского переворота, также неверно [Dommanget, p. 34].

И хотя в т.н. «Марсельезе белых» (см. выше) пелось «Против нас поднят кровавый флаг республики», это всего лишь инверсия революционной риторики «Марсельезы»: «Против нас поднят кровавый флаг тирании». В обоих случаях «кровавый» – метафора, а не указание на цвет флага.

Позднейшее восприятие красного цвета как радикально-революционного было связано не со «знаменем 10 августа», а с фригийским колпаком. Эту мягкую красную шапку с остроконеч-

ным загнутым верхом во Франции называли «красным колпаком»¹. Уже в 1675 г. в Бретани произошло крестьянское выступление против новых налогов, известное как «восстание красных колпаков».

Революционной эмблемой фригийский колпак стал в североамериканских штатах в годы Войны за независимость, а затем и во Франции. Незадолго до восстания 10 августа 1792 г. группа республиканцев явилась в Национальное собрание, требуя оружия. Они несли палку, на которой был надет красный колпак с надписью: «Долой надоевшую власть!» [Блан. История Французской революции, т. 7, с. 33]. А в день восстания отряд марсельцев увенчал красным колпаком свое трехцветное знамя [Dommanget, p. 32]. Вскоре «колпак свободы» стал эмблемой Французской республики и обычным символом санкюлотов и якобинцев. При якобинцах «колпак свободы» использовался в качестве церемониального головного убора муниципальных чиновников.

Согласно дневниковой записи очевидца, опубликованной в 1930 г., красное знамя было замечено в Париже уже 29 июля 1830 г. [Dommanget, p. 40]. Однако современных печатных сообщений об этом не имеется: этот эпизод не стал фактом общественного сознания.

Во время Лионского восстания 1831 г. наряду с черным знаменем использовался также триколор и кокарды с семью цветами радуги, что свидетельствует о поисках новой революционной и социальной символики [Dommanget, p. 47]. В трактовке сенсимонистов синий символизировал цвет веры, белый – цвет любви, красный – цвет труда [Garrigues, p. 96].

5 июня 1832 г. похороны генерала-республиканца Ж.М. Ламарка переросли в политическую манифестацию под красными знаменами. В глазах радикальных республиканцев триколор дискредитировал себя, став знаменем монархии Луи-Филиппа. Но почему было выбрано именно красное знамя, современники не объясняют; иные даже заподозрили тут провокацию полиции.

¹Предшественником фригийского колпака была античная шапка (*лат.* pileus), которую носили ремесленники и другие свободные простолюдины; раб, получив свободу, получал и право носить pileus. Позднее pileus был отождествлен с фригийским колпаком (Фригия – область в Малой Азии), который нередко встречался в позднеантичной иконографии. Ни фригийский колпак, ни pileus не были обязательно красными.

Находившийся в похоронном кортеже маршал Изидор Экзельман, участник наполеоновских войн и Июльской революции, воскликнул: «Долой красное знамя! Нам не нужно другого знамени, кроме трехцветного: это знамя свободы и славы!» [Blanc, t. 3, p. 107]. Годом позже республиканская газета «Tribune» назвала красные флаги «эмблемой, ненавистной для нас, нелепой для остальных» [Dommanget, p. 56].

Преемственность со «знаменами 10 августа» практически исключается: свидетельства о них попали в печать лишь в 1835 г. [Bucheze, t. 7, p. 188, 271]. Такое преемство было восстановлено задним числом – в 1848 г., когда историк Леонард Галлуа в «Письме к гражданам – членам Временного правительства» заявил, что красное знамя есть символ «осадного положения народа против мятежа деспотизма» [Dommanget, p. 57].

По всей вероятности, знамена 1832 г. получили свой цвет все от того же фригийского колпака. В 1790-е годы он уже использовался для увенчания триколора; он также надевался на пику или на палку, выступая в роли заменителя флага [напр.: Блан. История Французской революции, т. 6, с. 222; т. 7, с. 33]. По мере забывания «репрессивной» функции красного флага на первый план выходит ассоциация красного с «колпаками свободы».

Согласно Б. Г. Реизову, «красный цвет в сознании французов во время Реставрации не являлся политической эмблемой». В частности, республиканцы не носили красных кокард [Реизов, с. 176].

Однако во французской печати середины XIX в. встречаются упоминания о красной гвоздике как символе бонапартистов, который в эпоху Реставрации противостоял белому цвету роялистов. В 1847 г. журналист и политик Таксиль Делор (1815–1877) писал: «Еще есть провинции, где одна политическая фракция вставляет в свою бутоньерку белую гвоздику, а другая – красную. Старое знамя Франции было белым. Форма Первого консула была красной». (Мы полагаем, что красный цвет скорее отсылал к цвету мундиров наполеоновской гвардии. – *К. Д.*) Согласно Делору, красная гвоздика стала символом бонапартистов в первые же дни после Второй Реставрации, т.е. в июле 1815 г. [Delord, t. 2, p. 44, 104]. О том же писал Нарцисс Фурнье (1803–1880) в романе «История политиче-

ского шпиона в годы Революции, Консулата и Империи» (1847) [Fournier, t. 4, p. 296].

А с 1820-х годов красная гвоздика в петлице становится «подцензурным» символом республиканцев. В опубликованной в 1824 г. биографии полицейского чиновника и драматурга Шевалье де Пии (P.-A.-A. de Piis, 1755–1832) приводится его сатирический куплет:

Украшать, в хвастливом кокетстве,
Свою ироничную бутоньерку
Красной гвоздикой или букетиком
Весенних фиалок,
«Это значит быть повстанческим
– А не конституционным» (insurrectionnel, / – Et non
constitutionnel).

[Biographie nouvelle, t. 7, p. 320].

В историческом романе Поля Лакруа «Добродетель и темперамент: История из времен Реставрации» (1832) в салоне графини Доран «республиканцев можно узнать по красной гвоздике» [Lacroix, t. 1, p. 349].

В феврале 1831 г. Гейне противопоставляет «красные цветы» якобинства «[белым] лилиям» роялизма [Гейне, т. 4, с. 44]. В парижском журнале «Мода» за 1831 год перечисляются отличительные признаки республиканца: «красная гвоздика, серая шляпа и республиканские усы» [Revue de la Semaine, p. 258].

Попутно заметим, что в конце 1880-х годов красная гвоздика была символом буланжистов – сторонников генерала Жоржа Буланже (1837–1891), которого прочили в военные диктаторы [Chincholle, p. 103]. Однако движение это просуществовало лишь несколько лет.

В 1830-е годы фригийские колпаки снова входят в моду; одно из знамен 6 июня 1832 г. было увенчано таким колпаком.

Успеху нового революционного символа способствовала повышенная суггестивность красного, зорко подмеченная Гейне: «...Вид красного знамени, очевидно, как бы околдовал их [манифестантов] разум» [Гейне, 1982, т. 4, с. 130]. В отличие от «революционного черного», красный мог восприниматься и как цвет борьбы, и как праздничный цвет.

Красное знамя 1832 г. было символом радикально-республиканским, однако еще не «социальным». Во втором каче-

стве оно появляется во время второго восстания лионских ткачей (апрель 1834 г.), хотя основным знаменем лионских инсургентов оставалось, как и во время первого восстания, черное.

Красное знамя становится символом тайных революционных обществ [Dommanget, p. 64], а в феврале 1848 г. выходит на улицы. 25 февраля Огюст Бланки потребовал от Временного правительства объявить это знамя знаменем Французской республики – не буржуазной, а «социальной». Красный цвет, пояснял Бланки, есть цвет «благородной крови, пролитой народом и Национальной гвардией» в борьбе за республику [Delvau, p. 323].

Однако Альфонс де Ламартин, глава Временного правительства, произнес с балкона парижской ратуши страстную речь в защиту национального триколора: «В красном знамени она [Европа] увидит лишь знамя одной партии»; «Красное знамя, которое вы несете, обошло лишь Марсово поле, обогренное кровью народа в 91-м и 93-м году; а трехцветное обошло весь земной шар, прославляя имя и свободу отечества!» [Gallois, t. 1, p. 141]¹. Что имелось в виду под «93-м годом», остается неясным. Если речь о якобинском терроре, то он осуществлялся как раз под трехцветным знаменем.

В № 1 летучего листка «Красная республика» от 10–12 июня 1848 г. говорилось: «Красный флаг – не флаг крови, это флаг братства» [Delmas, p. 61].

В 1870 г. Луи Блан, объясняя, почему красное знамя было предложено в качестве национального, уже не говорил о цвете пролитой народом крови. Теперь он ссылался на орифламму – красную воинскую хоругвь французского короля в Средние века («Цвет, который в течение долгого времени обозначал нацию, был красный цвет»), а также на то, что красный флаг как знак осадного положения «с легальной точки зрения был знаменем порядка» [Блан. История революции..., с. 135, 140]. Но к этому времени в левых кругах утвердилась трактовка красного как цвета крови, пролитой в борьбе за свободу и рабочее дело.

В 1848 г. *красный* становится термином политического языка: *красными* именуют всех сторонников левых идей, и они принимают

¹ В тексте речи, опубликованном в собрании сочинений Ламартина, фрагмента о Марсовом поле нет [см.: Lamartine, 1863, t. 38, p. 380].

это наименование. Красное знамя отныне – символ международного социализма и рабочего движения.

В уже упомянутой работе К.Н. Державина утверждалось, что уже во время Великой французской революции «les rouges [красные] служило синонимом революционеров» [Державин, с. 52]. Со ссылкой на Державина этот ошибочный тезис повторен в статье С.А. Рейсера [Рейсер, с. 295].

Со времени Парижской коммуны красное знамя стало общепризнанным коммунистическим знаменем. Радикализация *красного* достигла своего пика.

«Красный призрак»

В 1851 г. был опубликован памфлет бонапартиста Огюста Ромье «Красный призрак 1852 года». «Красный призрак» («Le Spectre rouge») в названии книги означает «красную угрозу». Н.С. и М.Г. Ашукины полагают, что «Ромье, несомненно, имел в виду первые слова “Манифеста Коммунистической партии” (1848): “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”» [Ашукин, с. 312–313]. Однако в тексте памфлета никаких отсылок к «Манифесту» нет; по-видимому, Ромье был знаком лишь с высказываниями французских социалистов.

Автор предсказывал гражданскую войну во Франции в 1852 г. Обращаясь к либеральной буржуазии, наследнице принципов 1789 года, и роялистам, сторонникам «белого знамени», он призывает их объединиться вокруг Луи Бонапарта перед лицом «новой Жакерии», которая приведет к крушению цивилизации во Франции:

«Французская нация более не существует. На старой галльской земле богатые тревожатся, а бедные алчут, вот и все. <...> То, что сдерживает их в ту минуту, когда я это пишу, – это армия». «Дуэль идет между порядком и хаосом. И порядок воплощаете не вы, о буржуа Революции! Сила – вот единственный символ порядка» [Romieu, p. 47, 68].

В тексте памфлета «красная» цветовая символика не используется, но Александр Герцен однозначно связал «красный призрак» с фригийской шапкой:

«Брошюра Ромье – крик ужаса, раздавшийся у гуляки, невзначай увидавшего в окно столовой <...> *красный призрак*; увидав Медузу в фригийской шапке, ему показалось, что своды треснули, что столбы закачались, из-за трещин ему мерещился огонь от поджога, головы на пиках, люди с топорами с заскорузлыми руками, и он, дрожа всем телом, стал звать на помощь» («Письма из Франции и Италии», XIII, 1 июня 1851) [Герцен, т. 5, с. 203].

Красное и белое (XIX в.)

Оппозиция «*красное – белое*» ни в одну из эпох французской истории не была центральной, системообразующей. До 1830 г. *белому* противостоял прежде всего триколор. В «трехцветной» монархии Луи-Филиппа (1830–1848) *белое* не могло играть роли главного оппонента *красного*. Характерно, что в июне 1832 г. радикалы-республиканцы неявно блокировались с *белыми* легитимистами, для которых буржуазная монархия была неприемлема.

Тройственная оппозиция «*белые – красные*», «*синие – красные*» и «*синие – белые*» на очень короткое время возникла после выборов в Законодательное собрание 13 мая 1849 г. Умеренные республиканцы (*синие*) потерпели сокрушительное поражение, проведя лишь 70 кандидатов. Две трети мандатов (ок. 500) получила т.н. «партия порядка» – блок орлеанистов (сторонников Орлеанской династии) и легитимистов (сторонников Бурбонов). Т.н. «Новая Гора» – блок левых (*красных*) республиканцев и социалистов – получила 180 мест.

Вождь социалистов Луи Блан писал в своей газете «Le nouveau monde»: «200 представителей самых ярких красных [du rouge le plus foncé, букв. ...темно-красных] пришли, чтобы укрепить демократическую фалангу в Палате. Столкнулись две крайние партии: красные лицом к лицу с белыми» [L'Assemblée législative..., p. 39].

Такое толкование понятия *белые* можно назвать расширительным. Собственно *белыми* в Палате были только легитимисты; знаменем орлеанистов – сторонников буржуазной монархии, так же как и знаменем умеренных республиканцев, оставался триколор.

Альфред де Мюссе в «Сонете к читателю» (январь 1850 г.) восклицает:

Быть красным сегодня вечером, белым завтра – не мое кредо!
[Musset, p. 141 (1-я pag.).]

После переворота 2 декабря 1851 г., осуществленного Луи Бонапартом, это противостояние отошло на второй план. Во Второй империи легитимисты были в оппозиции к власти. И в 1848, и в 1870–1871 гг. друг другу противостоят триколор и красное знамя.

Вне Франции оппозицию «*красные – белые*» мы находим в Польском восстании 1863–1864 гг. По своему содержанию оно было национальной и вместе с тем социальной революцией. Радикальное крыло повстанцев обычно именуется *красным*, умеренное – *белым*. *Красные* и *белые* – обычные термины в повстанческой подпольной печати, хотя и не принятые ни одной из сторон в качестве самоназвания [Prasa tajna, 1966]. Наименование *белые* с роялизмом связано не было: все повстанцы боролись с самодержавием за независимую республику¹. Существенно также то, что оппозиция «*красные – белые*» не была антагонистической: она существовала в рамках одного движения, и границы между обоими крыльями были крайне зыбки.

Белый как цвет умеренности (в оппозиции к *красному*) полвека спустя появляется в Финляндии; об этом речь впереди.

Белые и красные якобинцы

Тем не менее в одном, зато чрезвычайно важном аспекте *белое* действительно противостояло *красному* в политическом языке. Речь идет о *красных* и *белых* якобинцах, а также о «красном» и «белом» терроре.

В 1797 г. вышел в свет памфлет Ж. Кузена «Белые якобинцы и красные якобинцы». Жак Кузен (1739–1800), математик и политик, в 1796–1797 гг. был сотрудником аппарата Директории. Судя по содержанию, памфлет написан незадолго до 10 августа 1797 г. По форме

¹ Национальное польское знамя состоит из белой и красной полос, но это, вероятно, случайное совпадение.

это диалог роялиста с якобинцем. Роялист рассчитывает на генерала Шарля Пишегрю как восстановителя монархии. Он говорит:

«Вы кровожадны, вы установите режим террора, велите носить красные колпаки и соорудите тысячи гильотин; мы не любим крови, мы велим носить белые колпаки и воздвигнем виселицы. Наши цвета и наши способы будут по крайней мере гораздо приятнее ваших» [Cousin, p. 7–8].

Автор памфлета заключает:

«*Белые якобинцы не лучше красных якобинцев*» [Cousin, p. 8].

Таким образом, роялистский и якобинский террор уравниваются как две опасности, грозящие Франции, причем красный цвет якобинцев задан фригийскими шапками.

В полицейском рапорте от 26 июля (8 термидора) 1797 г. сообщалось, что на улицах Бреста (Бретань) продается брошюра под заглавием «Якобинцы 9 термидора в агонии, или Белые якобинцы и черные якобинцы», и что «все покупают эту брошюру» [Ballot, p. 98]. Под «черными якобинцами» имелись в виду клерикалы.

После Второй Реставрации (1815) оппозиция «белые якобинцы – красные якобинцы» надолго укореняется в политическом языке как обозначение двух крайних течений, склонных к насилию. Поскольку же «красные якобинцы» надолго – вплоть до 1848 г. – исчезли с политического горизонта, эти выражения использовались обычно для критики крайних монархистов и клерикалов.

Бывший радикал-якобинец Ж.Ж. Реньо-Варен писал: «Белые якобинцы <...> желали и все еще желают полной и совершенной контрреволюции; <...> эти антиреволюционеры жаждут крови красных якобинцев» [Regnault-Warin, p. 273].

Умеренный монархист Рене де Шатобриан в своей знаменитой книге «О монархии согласно Хартии» (1816, гл. 19) сетовал, что французская оппозиционная печать именует депутатов парламента «аристократами, ультрароялистами, врагами Хартии [т.е. Конституции], *белыми якобинцами*, <...> *черными якобинцами*» [Chateaubriand, p. 35–36].

В 1820 г. публицист-республиканец замечает: «...Бывшие синие якобинцы ныне принадлежат к партии белых якобинцев» [Carrion-Nisas, p. 13].

В словарики, приложенном к книге Шарля Байля «Политическая и нравственная история революций во Франции» (1821), «белые якобинцы» определяются как «чрезмерно рьяные роялисты (royalistes exagérés), по контрасту с красными якобинцами» [Bail, p. 404].

Юрист Жан Жозеф Мунье (1758–1806), в 1789–1790 гг. видный депутат Конституционной ассамблеи, а затем эмигрант, в 1801 г. писал: «...Можно сказать, что, подобно якобинцам демократии, существуют якобинцы монархии, аристократии, суверерия [т.е. религии]» («О влиянии, приписываемом философам, франкмасонам и иллюминатам на Французскую Революцию», 1801).

Эта работа была издана посмертно, в 1822 г. Издатель дал примечание к процитированным выше словам: «Ныне существуют красные якобинцы и белые якобинцы: якобинцы гильотины и якобинцы виселицы» [Mounier, p. 122]. «Якобинцы гильотины» и «якобинцы виселицы» приводят на мысль памфлет Ж. Кузена 1797 г.

Эти выражения были известны и в России. 5/17 янв. 1827 г. вел. кн. Константин Павлович писал в Швейцарию своему учителю Ф.С. Лагарпу, убежденному республиканцу: «Что до меня, то я не люблю ни красных якобинцев, ни белых, ни черных, и из всех них предпочитаю якобинцев в красных колпаках и коротких штанах [sans culotte, т.е. санкюлотов], поскольку тут знаешь, с кем имеешь дело» [Константин Павлович, с. 74; в оригинале по-французски].

Белый и красный террор

В 1830-е годы вошло в обиход выражение «белый террор» (terreur blanche). Первоначально оно относилось к репрессиям против бонапартистов после второй реставрации Бурбонов (1815) [напр.: Touchard-Lafosse, p. 436]; позднее применялось также к термидорианским репрессиям (1794). По этому образцу в ходе революции 1848 г. создается выражение «красный террор» (terreur rouge) как синоним революционного насилия. Довольно скоро это выражение стало употребляться ретроспективно, по отношению к террору якобинцев, который прежде именовался просто Террором. (Заметим, что у Г. Гейне уже в 1826 г. встречается образ «красный марш гильотины».) [Гейне, т. 3, с. 126].

Обозреватель левой парижской газеты в статье от 19 октября 1848 г. писал, что реакция, «опасаясь фантома красного террора, <...> правит при помощи своего рода белого террора» [Les causes et les effets...].

15 июня, после разгона парижской манифестации 13 июня в защиту конституции, в Лионе началось восстание рабочих и ремесленников, подавленное правительственными войсками. На заседании Национального собрания 27 июня 1849 г., в ответ на обвинения в «белом терроре» против Лиона и соседних департаментов, генерал Бараге д'Илье заявил: «Во всяком случае, лучше белый террор, чем красный!» [Assemblée Nationale..., t. 1, p. 354].

В это время в парламенте преобладала «партия порядка», часть которой (легитимисты, сторонники Бурбонов) именовалась *белыми*. Тем не менее репрессии осуществлялись от имени «трехцветной» буржуазной республики.

С 1871 г. «красный террор» ассоциировался прежде всего с репрессиями Парижской коммуны против «контрреволюционеров». В свою очередь, «белым террором» в левой печати именовались репрессии против коммунаров. Отныне для левых «белый террор» – это террор победившей буржуазии.

Зеленый (XIX в.)

В начале Великой французской революции ее сторонники носили зеленую кокарду. Зеленый был цветом ливрей популярного министра Неккера, отправленного в отставку Людовиком XVI. Во время похода парижан на Версаль 12 июля 1789 г. Камиль Демулен сорвал с дерева в саду Пале-Рояля зеленый лист и укрепил его на своей шляпе в качестве кокарды. Его примеру последовали тысячи парижан. «Демонстрация, – поясняет Реизов, – имела целью восстановление Неккера на его посту. Однако этот цвет не удержался по той причине, что лакеи графа д'Артуа, впоследствии Карла X, также носили зеленые ливреи» [Реизов, с. 175]. В исторической литературе цвет «демуленовской» кокарды истолковывался в соответствии с традиционной символикой зеленого, как цвет надежды.